

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.3>

Гришенкова Татьяна Федоровна

[Проблема аккультурации в документальном романе В. Аксенова "В поисках грустного беби"](#)

Цель исследования - раскрыть особенности аккультурации, отраженные в документальном романе В. Аксенова "В поисках грустного беби". Выделяются факторы, способствующие благоприятному взаимодействию эмигрировавшего в Америку писателя с представителями новой культуры. В свете теории К. Оберга анализируются этапы и особенности преодоления культурного шока, примеры возможных стратегий аккультурации. Научная новизна работы заключается в подходе к изучению документального романа В. Аксенова "В поисках грустного беби" в аспекте межкультурной коммуникации. В результате определен способ аккультурации автора-рассказчика - интеграция. Сделан вывод об успешной адаптации представителя русской творческой интеллигенции к американской культуре.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/3.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 17-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.3>

Дата поступления рукописи: 11.08.2020

Цель исследования – раскрыть особенности аккультурации, отраженные в документальном романе В. Аксенова «В поисках грустного беби». Выделяются факторы, способствующие благоприятному взаимодействию эмигрировавшего в Америку писателя с представителями новой культуры. В свете теории К. Оберга анализируются этапы и особенности преодоления культурного шока, примеры возможных стратегий аккультурации. **Научная новизна** работы заключается в подходе к изучению документального романа В. Аксенова «В поисках грустного беби» в аспекте межкультурной коммуникации. **В результате** определен способ аккультурации автора-рассказчика – интеграция. Сделан вывод об успешной адаптации представителя русской творческой интеллигенции к американской культуре.

Ключевые слова и фразы: В. Аксенов; «В поисках грустного беби»; культурный шок; аккультурация; межкультурная коммуникация.

Гришенкова Татьяна Федоровна, к. филол. н., доц.
Сургутский государственный университет
grit1991@mail.ru

Проблема аккультурации в документальном романе В. Аксенова «В поисках грустного беби»

Актуальность нашего обращения к теме «шока аккультурации» обусловлена тенденциями в развитии общества, вышедшего на новую ступень информативно-коммуникационного взаимодействия в условиях современной глобализации. На фоне миграционных процессов, коснувшихся многих народов планеты, проблема «культурного шока» в XXI веке приобретает особое звучание. Опыт влияния новой культуры на эмигрантов особенно пристально начинают изучать во второй половине XX столетия, поскольку именно прошлый век охватывается богатым на социальные потрясения. Эмиграция, вынужденная или добровольная, становится неотъемлемой частью истории многих стран. Россия не является исключением, и в ее истории выделяют три «волны» эмиграции, вызванные не только революционными и военными действиями. После 1970 года Россию покидали из-за преследования властей за инакомыслие – резкое разоблачение советского строя и идеологии. В числе представителей творческой интеллигенции – русских эмигрантов «третьей волны» – оказался и прозаик Василий Аксенов. Достоверные описания американской жизни, свой опыт постижения иной культуры, обретение нового мироощущения и, наконец, осознание себя «космополитическим отщепенцем» писатель выплеснул на страницы своих произведений, созданных на чужбине [3, с. 82]. Одним из первых таких романов стал *fiction* (документальный роман) «В поисках грустного беби», увидевший свет в нью-йоркском издательстве “Liberty Publishing House” в 1987 году. Процесс приспособления к новой культурной среде, воплощенный в художественной форме в документальном романе В. Аксеновым, получил название «культурного шока». Не одно поколение культурологов, психологов, лингвистов посвятило свои работы исследованию данного явления. Одним из первых был американский учёный Калерво Оберг, который для обозначения эмоционального или физического дискомфорта, дезориентации индивида, попавшего в иную культурную среду, и ввел данное понятие [12]. Позднее процесс адаптации к чужой культуре стал называться аккультурацией [6, с. 230]. Ученые-представители различных научных направлений разработали концепции для изучения механизмов приспособления к новой культуре [11]. Исследование «культурного шока» проводила на материале русской и немецкой лингвокультур Л. В. Куликова [4]. «Шок аккультурации» в процессе межкультурной коммуникации американцев и русских изучала О. А. Леонтович [7]. Психологию развития культурных сценариев в японской коммуникативной среде исследовала А. Вежбицкая [2]. Неугасаемый интерес к данной проблеме подчеркивают многочисленные работы последних лет, посвященные вопросам приспособления к новой культуре российских исследователей, например «Язык и аккультурация» профессора Е. В. Шелестюк [10], «Культурный шок: социально-психологическая адаптация к новой культурной среде» ученого-психолога О. А. Куликовой [5]. Мы обращаемся к проблеме культурной адаптации на материале личного опыта писателя, изложенного в документальном романе «В поисках грустного беби». **Задачи** исследования: на первом этапе нам необходимо выделить в романе те переменные, которые влияют на эффективность взаимодействия с представителями американской культуры. На втором – следует изучить этапы процесса культурной адаптации, выделить особенности преодоления культурного шока, описанные в книге В. Аксенова. В результате определить способ аккультурации, характерный для писателя и запечатленный на страницах его *fiction*.

Теоретической базой исследования, наряду с трудами К. Оберга, стали работы С. Г. Тер-Минасовой [9], О. А. Леонтович [6], А. П. Садохина [8], в которых рассматриваются различные аспекты понятий «культурный шок», «аккультурация».

Для осмысления проблемы аккультурации в документальном романе В. Аксенова «В поисках грустного беби» использовались следующие **методы исследования**: герменевтический метод и метод нарративного анализа. Метод нарративного анализа (от *narrative* – повествование) позволил установить формальные критерии описания нарратива о личном опыте аккультурации советского прозаика. Анализ художественного дискурса предоставил возможность рассмотреть явление культурного шока в контексте американской культуры.

Герменевтический анализ нарратива, распознавание его элементов в аспекте межкультурной коммуникации, их трансформация и эволюция по мере развития сюжета позволили выявить стратегию аккультурации автора-рассказчика *fiction*. Материалом для исследования выступил письменный нарратив художественного произведения В. Аксенова «В поисках грустного бэби». Для исследования были отобраны 11 эпизодов документального романа, которые мы проанализировали в следующих аспектах. Временной аспект позволил выявить точки соприкосновения нарратора с различными участниками коммуникационного процесса, учитывая прошлый опыт автора. Социальный – отразил мысли, внутренние переживания прозаика при погружении в иную культуру, восприятие им новой действительности и его отношение к разворачивающимся событиям. Пространственный аспект определил локализацию описываемого путешествия *«выброшенного из своего мира беженца»* [1, с. 5]. **Практическая значимость** исследования заключается в том, что раскрываемый в статье кросс-культурный потенциал художественного дискурса может быть использован для создания культурного ассимилятора адаптации мигрантов к жизни в новой культурной среде. Документальный роман «В поисках грустного бэби» в таком контексте может послужить хорошим пособием по предупреждению культурного шока у потенциальных эмигрантов.

Повесть писателя-диссидента Василия Аксенова «В поисках грустного бэби» перебрасывает нас в Америку 80-х годов прошлого столетия – место эмиграции В. Аксёнова. Поскольку культурный шок – это вполне естественная составляющая любой эмиграции, испытать на себе его действие пришлось и ему. Но вот насколько мучительным и тяжелым оказалось его действие, зависело от некоторых причин. Во-первых, писатель был уже знаком с американской культурой, это была его вторая поездка в Америку. Первая состоялась в 1975 году, когда Василий Аксенов читал в университете США цикл лекций о русской литературе. Второй важный фактор – это сопровождение спутницы жизни – супруги Майи, верного друга и единомышленника, так что чувство отверженности не преследовало прозаика в период интеграции в американскую культуру. Необходимо отметить, что и языковой барьер в данном случае не носил угрожающей формы для эмигрантов. Кроме того, «прозападнические» взгляды В. Аксенова возникли не на пустом месте, об этом писатель не раз упоминает в своей книге, ретроспективно обращаясь к воспоминаниям о студенческой жизни.

В 1952 году, будучи студентом Московского университета на факультете лингвистики, Аксёнов попал на вечеринку московского «высшего общества», проходившую в доме крупного дипломата. Уже тогда горевший интересом к Америке будущий прозаик познакомился с советской «золотой» молодёжью, которая *«любила Соединенные Штаты Америки»*, как выяснилось позднее, это был *«один из кружков московских американофилов»* [Там же, с. 147]. Дети советских дипломатов, по его воспоминаниям, слушали американскую музыку – джаз – сразу на пластинках, носили американскую одежду, даже в поведении пытались подражать американцам, и это при том, что США в то время воспринимались исключительно как злейший враг Страны Советов. Как пишет В. Аксенов, *«из любого номера газеты на нас смотрели страшные оскаленные зубы империалиста дяди Сэма, свисали его вымазанные в крови свободолюбивых народов мира длинные пальцы, алчущие все новых жертв»* [Там же]. В противовес этому столичному изобилию провинциальные студенты, например из Казани, были вынуждены долго вылавливать из радиозэфира обрывки тех песен.

Это были десятилетия холодной войны с Соединенными Штатами Америки, с «самым западным западом». Не устояв перед «золотым свечением ауры», молодёжь пыталась подражать западному миру и выглядела зачастую довольно нелепо. Но все-таки они старались копировать, пусть неумело, жизнь американцев, атрибуты этого мира абсолютизировались. Будущий прозаик также не стал исключением, вот как он об этом вспоминает в своей книге: *«Одежда из Америки фетишизировалась. По Невскому проспекту в Ленинграде ходила толпа стилига. Дергая конечностями (так, им казалось, должны были вести себя американцы на Бродвее; кстати, и Невский проспект они называли «Бродом»), они пели: «Я девушку встретил прекрасней зари, зовут ее Пегги Лу!»* [Там же, с. 153]. Таким образом, в советской интеллигенции возникали те самые «прозападнические настроения». Вопреки ожиданиям советского руководства, «стилиги» не стали новыми людьми, которые должны были приблизить наступление светлого коммунистического будущего, но стали первыми, по сути, диссидентами.

И вот Василий Аксёнов в Америке. Пути назад у него уже нет, ибо советского гражданства он лишён. Наступает «культурный шок», как он есть. Он всегда протекает по U-образной шкале: состояние переживающего его человека проходит путь от восторга к отчаянию через тревожное и болезненное состояние снова к уверенности в завтрашнем дне. Специалисты в области межкультурной коммуникации выделяют четыре его стадии. «Медовый месяц», когда всё в новой культуре восхищает так, что вызывает чувство эйфории; собственно культурный шок, то есть кризис, во время которого новоприбывший иммигрант становится раздражительным и может даже проявлять некую враждебность к местному населению; постепенное выздоровление, в ходе которого человек волей-неволей привыкает, адаптируется к чужой культуре и ее особенностям; завершает культурный шок полная адаптация – человек, в известном смысле, вливается в новое общество, органично вращается в местную культуру. В силу обозначенных выше обстоятельств «шок аккультурации» В. Аксёнов переживает по-своему. Он понимает, что его прежнее представление о США разбивается о камни жестокой реальности – ибо то, о чём так долго мечтал советский человек, на проверку оказалось суровой американской действительностью: *«Раньше все было лучше, казалось мне, просторней, красивей, больше здравого смысла; меньше пахло потом и дезодорантами»* [Там же, с. 140].

Весьма показательный пример культурного шока автор приводит в эпизоде с едой [Там же, с. 169]. Советскому эмигранту, вырвавшемуся из цепкой хватки советского дефицита, несметное количество всевозможных продуктов на полках американских супермаркетов кажется чем-то невероятным, американская кухня – чем-то поистине невиданным и очень вкусным. И только потом, *«разобравшись и освоившись в мире*

изобилия, эмигранты вспоминают о деликатесах русской кухни, критикуют американцев за недостаток гурманства и выискивают в русских лавках настоящий творог и настоящую селедку. Потом уже начинают считать калории» [Там же, с. 170]. С культурологической точки зрения в данном эпизоде явно прослеживается не просто дискомфорт при осознании различий между культурами, а проявляются признаки отрицания чужой культуры при попытке сохранения своей родной, то есть сепарации, поскольку людям бывает подчас непосильно тяжело принять чужую культуру.

Достаточно жестокие разочарования постигали всякого эмигранта, прибывавшего из СССР в Америку. Идеализация жизни в Соединенных Штатах Америки во многом этому способствовала. Вдоволь напичканный антиамериканской пропагандой советский гражданин (Аксёнов называет его «критическим советским человеком», или КСЧ) начинает идеализовать Соединённые Штаты. Расценивая репортажи по советскому телевидению о чрезвычайно высоком уровне наркомании, преступности и безработицы в США как преднамеренную ложь, КСЧ оказывается весьма разочарованным по прибытии в Штаты, когда сталкивается воочию и с американскими «кварталами маразма и гниения», и с бездомными, и с вооруженными грабежами. В. Аксёнов описывает это явление так: «Как-то мы с приятелем остановились перед красным светофором в восточной части Вашингтона. Мутное солнце висело над обвисшими, словно грязные юбки, деревьями, над унылым рядом частично заколоченных, частично полуразрушенных таунхаусов. Тротуары и палисадники были заброшены хламом. Медлительно в мареве перемещались фигуры негритянских подростков в баскетбольных чулках. Прошла немислимой толщины женщина. Жуткий бродяга сидел на обочине. Меж мусорных баков проскочила крыса. “Знаешь, – тихо сказал мой приятель, – я просто не мог себе представить, что в США может существовать такое”» [Там же, с. 167]. Для того чтобы перестать удивляться и привыкнуть к шокирующим контрастам американской жизни, когда «из массы улыбающихся вежливых людей вдруг может выйти ублюдок с ножом», требовалось немало времени [Там же]. После того, как полный эйфории «медовый месяц» заканчивается, следуют шоковое состояние и отторжение. Для Василия Павловича и его жены Майи было шоком видеть крыс на улицах города, беспорядок в сфере предоставления услуг вызывал раздражение, бюрократия, царившая в административных системах, ограниченность американских СМИ в отношении зарубежных новостей и мероприятий разного характера и многое, многое другое обескураживали. От осознания того, что в столь желанных США всё не так солнечно, как предполагалось, вполне можно было впасть в депрессию. Но не зря автор неоднократно приводит в тексте повести в качестве цитаты из песни знаменитое английское изречение “Every cloud has a silver lining” [Там же, с. 380]. / «Есть у тучки светлая изнанка». Присутствие духа и трезвый взгляд на жизнь помогают преодолеть все пороги бурного жизненного потока.

В процессе адаптации к новой культуре иммигрант зачастую ностальгирует. Он начинает находить в чужой стране точки соприкосновения со своей родной культурой, детали, которые напоминали бы ему о доме. Весьма показательным в этом плане является эпизод, описанный В. Аксёновым в начале романа. Беседуя со знакомым музыкантом, также эмигрировавшим из СССР, он обнаруживает много идентичных моментов (при том неприглядных) пребывания в обеих странах. Уже упоминавшийся выше знакомый музыкант, вынужденно эмигрировавший в Америку, сопоставляет разбитые дороги Нью-Йорка и его пейзаж с украинским Миргородом, уточняя при этом, что для полного сходства с Миргородом не хватает только пары свиной. Вояж по Мэдисон-авеню он сравнивает с поездкой по рязанскому бездорожью «в поисках затоваренной бочкотары» [Там же, с. 157]. Данный нарратив отражает естественную черту процесса аккультурации – хандру, тоску по родной стране, родной культуре. Следующий эпизод, в котором прозаик описывает свой опыт проживания на Брайтон-Бич – в русском районе Нью-Йорка, подчеркивает справедливость нашего вывода. Всё напоминало ему о прошлом, о советской жизни, так как этот район был пропитан духом России. Позже, однако, Василий Аксёнов и его жена Майя перебираются в американскую столицу – Вашингтон, округ Колумбия. Аксёнов описывает свои впечатления от прибытия в Вашингтон DC: «Как ни странно, мне понравился Вашингтон с первого же дня. Какой-то комплексочек из эмигрантского букета комплексов был удовлетворен. Уж не столичный ли призыв? Уж не причастность ли к империи?» [Там же, с. 209]. Этот столичный призыв, который живёт в бывших москвичах Василии и Майе, и заставил обоих поселиться на юго-западе Вашингтона DC – не столько из-за близости к Международному центру Вудро Вильсона, сколько из-за того, что он был похож на некоторые жилые районы Москвы. «Мы даже стали называть этот район на советский лад Звездным городком, так он напоминал офицерское поселение под Москвой, где обитают космонавты: многоквартирные дома, чистые пустые улицы, клумбы, эдакая функциональная жилая зона» [Там же, с. 210]. То есть можно увидеть, что ностальгия по советскому прошлому не отпускает людей, им тяжело так просто взять и забыть родину, где они так долго прожили. Неудивительно, что уже в американской столице Аксёнов и его жена прибывают к тем же кругам, которые окружали их в Москве – журналисты и дипломаты, специалисты по изучению славистики и Советского Союза, словом – интеллигенция.

Несмотря на то, что и на чужбине автор всё ещё ищет столь привычные для себя черты советской жизни и общественного быта, импринтинги преследуют его даже в эмиграции. Красноречивый эпизод – ситуация подачи документов в миграционную службу – неожиданно для писателя становится уроком неистребимости предрассудков в социуме, особенно в такой стране, как США, имеющей репутацию «плавильного котла» наций и народностей. Принято считать, что хамоватые, грубые чиновники и служащие – «белые воротнички» – встречаются только на просторах теперь уже бывшего СССР, однако в описываемой ситуации Аксёнов столкнулся с тем, что и по ту сторону «железного занавеса» возможно такое. Когда автор подавал документы для получения «грин кард» и политического убежища, делопроизводительница запросила у него форму FUR-1980-X-551, это был необязательный документ, который в предыдущие попытки подачи документов не требовали. В ответ

на справедливое замечание соискателя грин-карты чернокожая служащая нагрубила ему, и не просто: «В глазах ее читалась, если и не ненависть, то во всяком случае формула взрыва» [Там же, с. 235]. Это было ярко выраженное проявление расизма, вызвавшее недоумение и серьезную переоценку взглядов В. Аксенова: «Принадлежность к белой расе как бы исключала возможность негативных расовых чувств. Стало быть, подсознательно, я тоже был под влиянием расистских стереотипов: с одной стороны, в системе этих стереотипов как бы предполагалось, что расистом может быть только белый человек, а черный человек уж никогда расистом быть не может, а с другой стороны, как бы само собой подразумевалось, что белый человек не может быть объектом расовой неприязни, а уж тем более жертвой ее. Иными словами, хоть я и приехал из страны, где расовая проблема не столь горяча, как в США, все-таки и во мне сидели комплекочки “белого”, некоторая снисходительность по отношению к черным братьям» [Там же].

Необходимо отметить, что толерантность американского общества не всегда была доступна для чернокожего населения, которое было иммигрировано в Америку вынужденно. «Боб Кайзер, уроженец Вашингтона, как-то рассказывал нам, что еще в начале шестидесятых годов негров не пускали здесь в партер театров, они могли сидеть только на галерке. Сейчас это трудно вообразить в городе, где мэр и почти весь муниципалитет черные, и все-таки, столь недавно... слишком малый еще срок, чтобы забыть те безобразные унижения», – такой увидел Америку В. Аксенов в 80-е годы XX века [Там же, с. 137-138]. Дискриминация чернокожей расы неизбежно привела к маргинализации. Чернокожие мигранты, оторванные от своей собственной культуры, не были приняты с распростертыми объятиями в культуру американского населения. Все это привело к появлению различных «гетто» и высокой преступности среди темнокожего населения.

В произведении, однако, есть примеры и других стратегий аккультурации. Например, в рассуждениях одного из героев романа имеют место элементы сепарации. Представителю «советского артистического люда из новой эмиграции» не хотелось уезжать из Москвы, но обратного пути нет, и вход в родной город закрыт: «Только в Нью-Йорке можно жить... – Это как раз то самое место, куда я эмигрировал. Поездив по миру, я убедился, что жить можно только в Нью-Йорке... – После секундного молчания он добавил: – ...Или в Москве... – После еще одной паузы: ...Но туда уже хода нет...» [Там же, с. 158]. Отрицание чужой культуры в данном примере возникает по причине вынужденной миграции представителя «музыкального мира». Итак, проанализированные нами эпизоды демонстрируют различные формы проявления аккультурации. Объединяющим началом для любой из них является преодоление чувства потрясения (когда рассеивается пелена иллюзий и реальность предстает в зачастую удручающе неприглядном виде) и непреодолимой тоски по родине. В. Аксенов вел переписку со своими друзьями из Советского Союза, интересовался политической и социальной жизнью страны, в которой проходило становление его как писателя, гражданина. Тот факт, что прозаик не терял связи со своей Родиной и не забывал родной язык, осуществлял коммуникацию и на русском, и на английском языке (в американском варианте), дает нам возможность прийти к выводу о том, что эмигрант успешно проходил процесс интеграции в американскую культуру.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. На начальном этапе исследования мы выделили благотворно влияющие на адаптацию В. Аксенова в условиях новой культуры переменные: наличие определенной цели (желание «влиться» в чужую культуру), частота контактов (второе длительное путешествие по Америке), социальный статус (писатель сохраняет свою идентичность, в американском обществе он позиционирует себя как представитель русской творческой интеллигенции) и, наконец, отсутствие языкового барьера. Далее мы изучили этапы и особенности преодоления культурного шока, описанные в книге «В поисках грустного беби». Рассмотрели несколько примеров возможных стратегий аккультурации (маргинализации, сепарации) и пришли в результате к выводу об успешной интеграции В. Аксенова в американскую культуру. **Перспектива предпринятого исследования** видится в возможности использовать данный подход к изучению художественного дискурса и раскрыть на материале романов В. Аксенова, написанных в эмиграции, лишь затронутую нами в данной статье проблему национальных стереотипов в межкультурной коммуникации.

Список источников

1. Аксенов В. В поисках грустного беби. Две книги об Америке. М.: Независимый альманах «Конец века», 1992. 480 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
3. Глэд Д. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Кн. палата, 1991. 318 с.
4. Куликова Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты (на материале русской и немецкой лингвокультур). Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.
5. Куликова О. А. Культурный шок: социально-психологическая адаптация к новой культурной среде // Вестник университета. 2017. № 5. С. 190-195.
6. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007. 368 с.
7. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
8. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2014. 288 с.
9. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной коммуникации. М.: Слово, 2008. 344 с.
10. Шелестюк Е. В. Язык и аккультурация // Символ науки. 2015. № 12. Ч. 1. С. 250-254.
11. Berry J. W. Stress perspectives on acculturation // The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology / ed. by D. L. Sam, J. W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 43-57.
12. Oberg K. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/17206900/Cultural_Shock_Adjustment_to_new_cultural_environments_Kalervo_Oberg (дата обращения: 10.08.2020).

Issue of Acculturation in V. Aksyonov's Documentary Novel "In Search of Melancholy Baby"

Grishenkova Tatyana Fedorovna, PhD
Surgut State University
grit1991@mail.ru

The study aims to provide an insight into the peculiarities of acculturation depicted in V. Aksyonov's documentary novel "In Search of Melancholy Baby". The article lays emphasis on the factors facilitating favourable interactions between the writer, who emigrated to America, and representatives of the new culture. Taking into consideration K. Oberg's theory, stages and peculiarities of overcoming culture shock, examples of potential strategies of acculturation are analysed. Scientific novelty of the research lies in taking an approach to studying V. Aksyonov's documentary novel "In Search of Melancholy Baby" in the aspect of cross-cultural communication. As a result, the acculturation strategy used by the author-narrator is identified, and it is integration. The researcher concludes that the representative of the Russian creative community successfully adapted to the American culture.

Key words and phrases: V. Aksyonov; "In Search of Melancholy Baby"; culture shock; acculturation; cross-cultural communication.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.4>

Дата поступления рукописи: 09.08.2020

Целью статьи стало изучение мифопоэтики как ведущей смыслообразующей основы повести С.-М. Салинского «Птицы возвращаются в сны». **Научная новизна** обусловлена тем, что впервые осуществляется исследование произведения с позиций ориентальной и региональной мифопоэтики. Новизна также заключается в подходе к анализу текста писателя как носителя фронтальной, или порубежной, ментальности – сознание автора выражает результаты тесных межэтнических взаимодействий в контактной зоне между странами, народами и культурами. Художественный мир С.-М. Салинского демонстрирует «реализацию» культуры дальневосточного фронта, когда картина мира человека формировалась в условиях этномиграционных, этносоциальных и этнорелигиозных трансформаций середины XIX – начала XX в. **Полученные результаты** показали, как в условиях дальневосточного трансграничья использование фронтальной мифологии творчески генерирует мировоззрение художника. Воплощение/мифореставрация писателем образов птиц и связанных с ними мотивов является отражением различных духовно-религиозных представлений и верований. Синкретизм фольклорных составляющих дальневосточных народов (русские, поляки, корейцы, японцы, китайцы, тунгусо-маньчжурское население) гармонично формировал этнокультурную картину мира Тихоокеанской России.

Ключевые слова и фразы: С.-М. Салинский; «Птицы возвращаются в сны»; мифопоэтические образы птиц; этнокультурные и межэтнические взаимодействия; дальневосточная литература.

Кириллова Елена Олеговна, к. филол. н.
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток
sevia@rambler.ru

Ориентальные и региональные мифопоэтические образы птиц в повести С.-М. Салинского «Птицы возвращаются в сны»

Статья продолжает авторские исследования, посвящённые творчеству неизвестного в нашей стране русско-польского писателя Станислава Марии Салинского (1902, Новокиевское (п. Краскино) Хасанского района Приморского края, Российская империя – 1969, Варшава, Польша). Объектом является автобиографическая повесть «Птицы возвращаются в сны», написанная на дальневосточном материале. Она имеет сложное жанровое определение, данное самим писателем: повесть-явь, повесть-сон. Произведение было опубликовано в 1964 году, впервые на русский было переведено во Владивостоке в 2015-м. Писатель активно обращается к бытоватому устному народному творчеству (сказки, мифы и легенды) инородческого населения Южно-Уссурийского края конца XIX – первой четверти XX в. и проживавших на этой территории различных дальневосточных этносов, в т.ч. корейцев, китайцев, удэгейцев, тазов. Повесть представляет интерес с позиций изучения проблем художественного воплощения межкультурных и межэтнических взаимодействий.

Актуальность работы определяется, во-первых, безусловной важностью исследования «мифологизма» как характерного явления литературы XX-XXI вв., когда в художественном произведении наблюдается наличие приёмов, черт, характерных для мифов. Во-вторых, обусловленностью обращения к репрезентации ориентальных и региональных мифологем в дальневосточной повести С.-М. Салинского «Птицы возвращаются в сны» и новизной мифопоэтического подхода к анализу текста произведения. В-третьих, отсутствием на сегодняшний день в филологической науке исследований, посвящённых творчеству писателя, которое составляет одну из примечательных глав русской литературы XX века, в т.ч. литературы эмиграции. Художественные произведения С.-М. Салинского, совсем недавно открывшиеся для российских читателей, являют пример изучения регионального материала в его фронтальной общности.